

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 811.112.2

Д. В. Зыблева

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Белорусский и иностранные языки»,
УО «Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого»,
г. Гомель, Республика Беларусь

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ТИП
МЕЖДОМЕТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ-ПОБУЖДЕНИЙ**

В статье рассматривается коммуникативно-прагматический тип междометных высказываний-побуждений, который образуют междометные речевые акты требования совместного действия, увещевания в обращении с детьми, просьбы, предостережения, угрозы, запрета, вопроса. Условия успешной реализации речевых актов, просьбы, предостережения и угрозы обеспечиваются в репликах-реакциях диалогических единств в отличие от запретов и вопросов, употребляемых как в репликах-реакциях, так и в инициативных репликах. В постпозиции к вопросительному высказыванию может реализоваться междометный вопрос как косвенный речевой акт требования.

Ключевые слова: междометия, речевые акты, иллокутивные функции, коммуникативно-прагматический тип.

Введение

Выступая в речевом употреблении в качестве самостоятельных высказываний, междометия являются элементарными составными частями более крупного коммуникативного целого и характеризуются лишь с учетом этого целого референтностью и предикативностью. Структурная нерасчлененность междометных высказываний обусловлена их семантикой, призванной отражать нерасчлененную мысль. Они актуализуют в коммуникативных условиях диалогического общения речевые акты, ориентированные на слушающего и выполняющие определенные иллокутивные функции в соответствии с коммуникативным намерением говорящего. По своей сути это имплицитно-перформативные выражения, произнесение которых равнозначно осуществлению речевого действия. В зависимости от семантики и показаний интонации в рамках конкретного контекста они распределяются по определенным коммуникативно-прагматическим типам.

Результаты исследования и их обсуждение

В рамках данного исследования особый интерес представляют апеллятивные (побудительные) междометия, составляющие в словаре языка довольно ограниченное число речений, за которыми в процессе развития языка и общества закрепилось значение побуждения к выполнению определенного действия. Некоторые из них непосредственно отражают характер трудовой деятельности, например, требования совместного действия: *Ню-рук! Но -рук!*, требования ускоренного действия: *Ноп! Нопс! Нопла!*. Другие ограничены сферой определенного вида общения: *Еиа! Неиа! Теита!* – увещевания в обращении с детьми. Существенной особенностью междометных высказываний-требований ускоренного действия является их семантическая зависимость от другого высказывания, в котором это действие непосредственно описывается. В таком случае междометное высказывание выполняет служебную функцию, являясь как бы сигналом этого действия. То же самое можно сказать и о междометных увещеваниях, где междометие сигнализирует ребенку о необходимости успокоиться.

Предназначение охарактеризованных выше высказываний во всех контекстах будет одинаковым, они могут использоваться только в речевых актах-требованиях ускоренного действия, совместного действия, увещеваниях в обращении с детьми.

В статье рассматриваются междометные высказывания, обладающие широкой сферой применения, выполняющие иллокутивные функции просьбы, приказа, запрета, угрозы, предостережения, вопроса и др. Они объединяются в коммуникативно-прагматический тип

высказываний-побуждений. Выступая в качестве самостоятельного компонента в репликах диалогических единств, данный тип высказываний характеризуется соотносительностью с коммуникативной ситуацией, а уместность их реализации опирается на пресуппозиции, наиболее существенной из которых представляется знание говорящего о возможности осуществления адресатом необходимого действия непосредственно в данный момент времени. Произнесение междометного высказывания в значении запрета, просьбы и т. д. будет одновременно просьбой, запретом и т. д. в силу отмеченной выше перформативности этих единиц.

Описывая речевые акты, А. Вежицкая отмечает зависимость значения императива от интонации: «Приходи!», сказанное с интонацией просьбы, означает то же самое, что «Я умоляю тебя прийти; «Приходи!», сказанное с интонацией приказа, означает то же самое, что «Я приказываю тебе прийти; «Приходи!», сказанное с интонацией совета, означает то же самое, что «Я советую тебе прийти и т. д.» [1, 256]. Интонационные характеристики являются решающим фактором и при систематизации междометных высказываний-побуждений. Следует отметить, что в рамках исследуемого коммуникативно-прагматического типа одно и то же междометие может реализовать различные иллокутивные акты, поэтому в ряде случаев междометное высказывание сопровождается авторским комментарием, содержащим указание на интонацию произнесения. Нередко авторский комментарий предлагает перформативный глагол, эксплицирующий интенциональную функцию междометия. Так, широко употребительное междометие *Nanana!*, *Na-na* может использоваться в разных смыслах в контекстах различных речевых актов, в первую очередь, речевого акта **просьбы**, содержащего в глубинной структуре предположение, что адресат по определенным причинам может удовлетворить или не удовлетворить желание говорящего:

Plötzlich schrie der SS-Mann: „Du blasses Bürschchen, was du da gesagt hast, ist glatter Volksverrat, darüber bist du dir wohl im klaren, was?“

„Na, na!“ rief es beschwichtigend aus einem Bett.

„Nur nicht gleich so hitzig, Konny!“ meinte auch ein anderer [2, 106].

В приведенном примере идентификация выражаемого междометным высказыванием смысла просьбы осуществляется за счет авторского указания на интонацию произнесения *„rief es beschwichtigend aus ein Bett“*. Однако в большинстве случаев для определения типа речевого акта, выражаемого междометием, необходимо привлечение широкого контекста:

... „Nichts. Absolut nichts“, sagte Riedl. „Geschwätz. Ein törichter alter Mann und ein alberner Junge“.

„Na, na, na“, sagte Greibisch. „So dumm ist der Alte nunu wieder nicht und der Junge ist nicht so albern. Mein Schwiegersohn hält von dem Eugen eine Menge“ [3, 18].

Здесь передаваемый междометием смысл раскрывается в последующих высказываниях. Несмотря на то что само действие просьбы не находит явного выражения ни в междометном, ни в последующих высказываниях, оно имплицитно при их взаимодействии и интегрируется в содержание междометия. Можно сказать, что имплицитное содержание «Я прошу тебя ...», характерное для стандартных речевых актов-просьб и являющееся обязательной составной частью их семантико-синтаксической структуры, не эксплицируется в структуре междометного речевого акта, но включается в его семантическое представление. В результате произнесение междометного высказывания с целью просьбы является одновременно и осуществлением действия просьбы.

Из примеров видно, что употребление междометных речевых актов-просьб ограничено рамками реплик-реакций, которые представляют собой результат воздействия предыдущей реплики, ее перлокутивный эффект, хотя в то же время самостоятельно обладают перформативной функцией, поскольку заключают в себе волевое воздействие. Следовательно, наиболее благоприятные условия, в которых междометное высказывание может употребляться как нестандартный, имплицитно-перформативный речевой акт просьбы, создаются в репликах-реакциях диалогов.

То же самое междометие может выступать и в речевых актах **предупреждений/предостережений**, иллокутивные характеристики которых связаны с доведением до сведения адресата, что некоторое событие не соответствует его интересам. Междометные предупреждения интерпретируются с помощью перформативных высказываний «Я предупреждаю Вас, что ...», «Я предостерегаю Вас, что ...».

„Na, na“, warnte Walter. „Sie kennen offenbar den Faschismus nicht ...“ [4, 294].

Авторский комментарий *„warnte Walter“* сообщает о том, какое действие произвел говорящий, произнося междометное высказывание *„Na, na“*. Для адресата действие предупреждения выявляется через интонационное оформление высказывания, а также благодаря наличию

последующей мотивировки *“Sie kennen offenbar den Faschismus nicht”*. В данной ситуации речевой акт предостережения приобретает негативный оценочный смысл, поскольку имеется в виду, что незнание адресатом сущности фашизма может иметь для него неприятные последствия.

В отличие от речевого акта **предупреждения**, иллокутивная сила речевого акта **угрозы** проявляется своеобразно. На этот факт указывает З. Вендлер: употребляя *«Я угрожаю»*, считает он, я приглашаю вас не принимать во внимание мою угрозу, т. е. я сам говорю, что это такое побуждение, которому следует сопротивляться [5, 247]. В языке существует ряд средств для описания речевого акта угрозы, среди них заметную роль играют междометные высказывания, способные выступать в прагматической ситуации диалога в качестве специфических формул угрозы, направленных на адресата речи. Произнесение междометного высказывания в значении угрозы будет со стороны говорящего одновременно осуществлением самого действия угрозы:

Frieda trat ins Schlafzimmer. „Du wirst hoffentlich nicht deine ganzen Urlaubstage herumsaufen?“

„Na, na“, na!“ wies er sie friedlich zurecht. „Man nicht gleich derart grobes Geschütz auffahren, wo ich einmal, das erstmal beinahe ausgerutscht bin“.

„Beinahe?“ Sie lachte kampflustig [6, 105].

В данном случае междометное высказывание, выступая в значении угрозы, сигнализирует адресату о том, что продолжение диалога на затронутую тему будет иметь для него неприятные последствия.

Междометные предупреждения и угрозы так же, как и просьбы являются реакциями адресата, возникшими вследствие воздействия содержания инициативной реплики. Подобная зависимость предопределена семантической емкостью междометия *„Nanana!“*, не имеющего конкретного значения. Выражаемые таким междометным высказыванием смыслы обусловлены тем, что сообщается в инициативной реплике, с какой целью это делается и какие вызывает последствия. Но, получив определенный смысл, междометие само становится средством воздействия, и в свою очередь способно вызывать перлокутивный эффект. Междометное высказывание как бы сигнализирует о том, что осуществляется воздействие с целью просьбы, угрозы, предупреждения, и этого сигнала в условиях реплики-реакции достаточно, чтобы адресат однозначно воспринял характер производимого речевого действия.

В отличие от рассмотренных, вполне однозначным смыслом и, значит, иллокутивным предназначением обладают междометные **высказывания-запреты**, имеющие устойчивую семантику. Это такие высказывания, как *Pst! Psst! Sst! St!*, представляющие собой попытку говорящего заставить замолчать своего партнера, вызываемую различными причинами, и прежде всего нарушением принципа кооперации со стороны участника коммуникативного акта, когда его реплики становятся коммуникативно неуместными:

“Wird nun noch was aus deiner Finlandreise, Steeven?“

fragt Mimi Willmers.

„Pst!“ Merkenthal sah erschrocken um sich. „Mutter, du verrätst ein Staatsgeheimnis!“

„Nana, jetzt ist der Krieg doch aus“, sagte sie [4, 309].

В приведенном диалогическом единстве запрет *„Pst!“* является реакцией на нарушение со стороны собеседника постулата количества, поскольку передана информация, не релевантная для данной коммуникативной ситуации с точки зрения субъекта запрета. Об этом свидетельствует мотивация запрета: *„Mutter, du verrätst ein Staatsgeheimnis!“*. Судя по реакции адресата, акт запрета не достиг ожидаемого перлокутивного эффекта, что связано с различными оценочными установками партнеров по диалогу: то, что одним из них в настоящей ситуации оценивается как отрицательное действие, для другого является положительным (*„Nana, jetzt ist der Krieg doch aus“, sagte sie*).

Успешное достижение перлокутивного эффекта может быть осуществлено сочетанием междометного запрета с дополняющим или дублирующим жестом:

„Pst! Psst!“ machte entsetzt der Vater und hielt mir den Mund zu. „Daran darf man nicht einmal denken, geschweige denn solcherlei aussprechen ... Du hast ja keine Ahnung, wie gefährlich...“ [8, 121].

Интонация отчаяния и указание на паралингвистический компонент коммуникации *„hielt mir den Mund zu“* содействуют успешному свершению действия запрета.

Интерес представляют случаи, когда междометный запрет выступает в инициативных репликах диалогов:

Der alte Pinnerk horchte auf. Er hob den Zeigefinger und machte „Pst! Pst!“

„Was haben Sie?“

„Sie kommen! Hören Sie 's?“ [4, 469].

Здесь междометное высказывание „Pst! Pst!“, с одной стороны, является следствием оценки говорящим ситуации как неудовлетворительной для осуществления коммуникативного акта, с другой стороны, представляет собой рекомендацию к действию в соответствии с негативно оцениваемой ситуацией. Очевидно также, что при употреблении междометных запретов в инициативных репликах диалогов они становятся ядром, вокруг которого разворачивается весь последующий диалог. Эта закономерность обусловлена желанием адресата запрета узнать причину подобного речевого акта.

Междометные высказывания могут употребляться и для осуществления речевого действия **вопроса**, основанного на следующих прагматических пресуппозициях: а) говорящий не располагает запрашиваемой информацией; б) говорящий знает, что без запроса слушающий не предоставит ему эту информацию [10, 105]. Характерное для ситуации вопроса состояние „незнания“ у адресанта обуславливает его интенциональную направленность, состоящую в доведении до сведения адресата потребности в получении информации. Тем самым вопросительные высказывания могут использоваться в качестве косвенных речевых актов требования, просьбы, угрозы и т. д. Определение междометного высказывания как прямого или косвенного речевого акта осуществляется посредством анализа его взаимодействия с контекстом:

Sie fragte: „Nun?“ – „Was nun? Ich bin nicht mehr in der Leitung. Das hab ich schon vorher gewußt“ [3, 266].

В приведенном примере авторский комментарий сообщает о характере речевого действия, которое совершает говорящий, произнося междометие „Nun?“. Глагол „fragen“ описывает ситуацию вопроса, в которой высказывание „Nun?“ выполняет прямой речевой акт. Употребление междометного вопроса в инициативной реплике диалога возможно в том случае, если партнеры обладают общим фоновым знанием относительно запрашиваемой информации. При отсутствии таких знаний междометный вопрос может функционировать только в репликах-реакциях в качестве переспроса. Для косвенного речевого акта характерна рассогласованность между семантикой вопросительного высказывания и ситуацией, возникающая в том случае, если не полностью соблюдены ситуативные условия успешности, которые определяют употребление высказывания в его основной функции, в данном случае для выражения вопроса. Косвенная интерпретация вопроса может иметь место также при наличии условий успешности для реализации другого речевого акта, иногда тесно связанного с вопросительной ситуацией:

„Ob Sie das sind, will ich wissen“ schrie der Gewaltige in ihre Gedanken hinein, rutschte mit seinem Stuhl nervös ein Stück nach hinten, als schwirrten die giftigen Pfeile hinter der obstinaten Stirn von Nummer sieben- undvierzig todbringend auf ihn zu. Dann krachte er beide Fäuste auf den Schreibtisch und verlangte noch einmal: „Nun?“ Sein Daumen quirlte auf „fanatischen Kommunistin“ herum, als könne er mit den gedruckten auch die lebende zerquetschen.

„Ja“, sagte Hella kurz und schwieg aufs neue [9, 153].

Очевидно, что в представленной ситуации допроса говорящий побуждает адресата дать информацию, выполняя речевой акт требования: „Ob Sie das sind, will ich wissen“. Междометный вопрос „Nun?“ совпадает по цели с данным речевым актом, фактически дублирует его, о чем свидетельствуют слова автора „verlangte noch einmal“.

Анализ материала показывает, что междометный вопрос употребляется в косвенном речевом акте-требовании, находясь в постпозиции к вопросительному предложению-высказыванию:

Augenblicklich dämpfte sich der Lärm des Festes.

„Wer ist es?“

Leises Wispern.

„Ah-?“ [10, 209].

В данном примере междометный вопрос, следуя через некоторый промежуток времени после произнесения вопросительного высказывания „*Wer ist es?*“, о чем свидетельствует авторская ремарка „*Leises Wispern*“, дублирует предшествующее высказывание, но уже в значении требования.

Выводы

Итак, рассмотрены наиболее типичные случаи употребления побудительных междометий в речевых актах просьбы, предостережения, угрозы, запрета, вопроса, объединяемых в теории речевых актов общим понятием „директивные“. Очевидны некоторые закономерности функционирования междометных побудительных речевых актов, а именно: междометные просьбы, предостережения и угрозы могут использоваться только в репликах-реакциях диалогов, в отличие от запретов, реализация которых допустима также и в инициативных репликах. Для междометных запретов характерно взаимодействие с дополняющим, чаще всего дублирующим запретительным жестом, указания на который бывают представлены в авторском комментарии. Появление вопроса в инициативной реплике обуславливается общим фоновым знанием коммуникантов, в ответных же репликах междометный вопрос выступает в качестве переспроса. При отсутствии условий, обеспечивающих прямую реализацию речевого акта вопроса, может иметь место косвенная интерпретация данного речевого акта: именно находясь в постпозиции к вопросительному предложению, междометный вопрос способен выполнять косвенный речевой акт-требование.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вежбицкая, А. Речевые акты / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. XVI. – С. 251–275.
2. Bredel, W. Peters Lehrjahre / W. Bredel. – Berlin : Kinderbuch-Verlag, 1976. – 153 s.
3. Seghers, A. Das Vertrauen / A. Seghers. – Berlin und Weimar : Aufbau-Verlag, 1970. – 455 s.
4. Bredel, W. Die Enkel / W. Bredel. – Berlin : Aufbau-Verlag, 1956. – 358 s.
5. Вендлер, З. Иллокутивное самоубийство / З. Вендлер. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. XVI. – С. 217–250.
6. Bredel, W. Die Söhne / W. Bredel. – Berlin und Weimar : Aufbau-Verlag, 1967. – 545 s.
7. Becher, J. R. Abschied / J. R. Becher. – Leipzig : Verlag Philipp Reclam jun., 1979. – 380 s.
8. Комина, Н. А. Прагматическая структура сложной реплики / Н. А. Комина // Прагматика и семантика синтаксических единиц. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1984. – С. 103–110.
9. Lippold, E. Haus der schweren Tore / E. Lippold. – Berlin : Buchverlag der Morgen Berlin, 1972. – 266 s.
10. Kellermann, B. Der 9. November / B. Kellermann. – Moskau : Verlag für fremdsprachige Literatur, 1954. – 445 s.

Поступила в редакцию 03.10.17

D. V. Zybleva

COMMUNICATIVE-PRAGMATIC TYPE OF INTERJECTIONAL STATEMENTS OF MOTIVES

The article deals with the communicative-pragmatic type of interjectional statements of motives, which form interjective speech acts of demand for joint action, exhortations in dealing with children, requests, warnings, threats, prohibitions, questions. The conditions for the successful implementation of speech acts of request, warning and threats are provided in the reaction replicas of dialogic unity, in contrast to prohibitions and questions used both in replicas-reactions and in proactive responses. An inter-domain question can be realized as an indirect speech act of a demand in the postposition to the interrogative utterance.

Keywords: interjection, speech acts, illocutionary functions, communicative pragmatic type.